

Вчера, 19:23

Точка невозврата: о чем говорит скандал в Российской академии наук

Михаил Гельфанд,

замдиректора Института проблем передачи информации РАН

После бездарно проведенной реформы академии никакого внутреннего импульса на обновление у нее не осталось. Фактическая отмена выборов президента РАН лишь довершила картину

Если посмотреть на тех, кто является инициатором переноса выборов президента Академии наук, то становится ясна и причина: академик Панченко или, вернее, те люди, которые за ним стоят, поняли, что никак не могут победить. Моя гипотеза состоит в том, что главной движущей силой принятого решения был Михаил Валентинович Ковальчук. Он не может быть президентом Академии наук, потому что он член-корреспондент, а выбраться в академики ему не дают: сначала его раз за разом прокатывали физики в своем отделении, потом было специально реформатировано отделение нанотехнологий и информационных технологий, теперь он через отделение проходит очень хорошо, но проваливается на общем собрании.

Провал реформы

Вся история с переносом довольно сильно накладывается на общий ход реформы РАН, начатой в 2013 году. Моя точка зрения не очень популярна среди коллег, но я всегда считал реформу абсолютно необходимой, только ее надо было делать гораздо раньше, еще в 2000-е. Но то, как она проводится, является совершенным безобразием, как по субъективным причинам (просто все очень плохо делается), так и по объективным — вы не можете проводить глубокие реформы в условиях сокращения бюджета, реформу можно делать, когда бюджет растет.

Важно, что у реформы было два ключевых элемента, и если об одном из них много говорят, то на другой часто не обращают внимания. Общее место, что у академии отняли административные функции по управлению имуществом, создали ФАНО, то есть ввели «правило двух ключей» (теперь, правда, один ключ «расплавился»). И в этом еще можно было увидеть некую

логику — отделение экспертной функции от хозяйственной, снятие встроенного в структуру еще советской академии конфликта интересов. Не самая глупая затея, просто сделано было очень плохо.

Но, кроме того, «большую» академию объединили с академиями медицинских и сельскохозяйственных наук, и вот это уже никакому логическому объяснению не поддается, если только опять не вспоминать тех, кто не мог пройти в академики. Чем больше академиков, тем проще, на новых академиков легче влиять, все-таки научный уровень в «малых» академиях был пониже, а уровень коррупции повыше. Была даже идея автоматического перевода всех членов-корреспондентов в академики, но это не прошло. Зато удвоили академические стипендии.

Все это вместе должно было привести к увеличению зависимости и управляемости академии. Но, видимо, оказалось недостаточным. Теперь обсуждаются поправки в закон о науке, которые заменят выборы президента РАН представлением кандидатур на утверждение главы государства. Это уже запредельный цинизм. Сначала люди соглашались играть по правилам, которые есть: претенденты на пост президента Академии наук, академики Панченко и Макаров, рассылали свои программы. Потому вдруг они осознают, что правила «неправильные» и выборы надо отложить. «Ломают» президента академии Фортова, который явно не собирался снимать свою кандидатуру — достаточно просто посмотреть хронологию его заявлений буквально по часам. Теперь вдруг предлагается вообще отменить выборы. Это напоминает историю с рассмотрением диссертации министра культуры Владимира Мединского. Когда прошлой осенью ее рассматривали в диссертационном совете Уральского университета и стало ясно, что результат для Мединского будет плохой, тот сначала прислал письмо с просьбой отложить заседание, а потом попросил вообще забрать диссертацию из этого совета, потому что ее слишком долго рассматривают (там все пришлось на летние месяцы, когда советы не работают). Казалось бы, что-нибудь одно: или ты просишь отложить, или говоришь, что срок пропущен. Здесь то же самое: сначала отложить, потом замотать. Видно школу мастеров.

Спасти, что осталось

Я думаю, что точка невозврата была пройдена в момент объединения академий. Состав академии настолько ухудшился, что никакого внутреннего

импульса на обновление уже быть не может. Теперь или надо спастись на уровне отделений — держать уровень исследований, не выбирать в академики навязанные кандидатуры, либо создавать что-то новое рядом, но для этого нет ни сил, ни ресурсов. Можно вспомнить печальный пример РАЕН, которая изначально создавалась очень сильными учеными и на хорошей основе и потом выродилась во что-то ужасное.

Фортов за время своей работы во главе академии вряд ли мог на что-то серьезно повлиять. У него была очень неплохая программа, когда он в первый раз шел на выборы в 2013 году. Но вскоре была объявлена реформа академии, и программа Фортова, что называется, превратилась в тыкву. Не могу вполне оценить его действия на посту президента, не знаю, насколько сильное воздействие на него оказывалось. Я как сотрудник академического института хотел бы, чтобы он вел себя порезче, но, возможно, он просто не мог. По большому счету его действия сводились к более или менее вялой реакции на шаги власти. Когда у тебя нет реальных властных рычагов, таким рычагом может быть общественное давление, публичная политика, в хорошем смысле слова. Но на это он не смог или не захотел пойти.

Кстати, из трех программ нынешних претендентов как раз программа Панченко, на мой взгляд, наименее осмысленная. В ней основным для развития российской науки документом названа Стратегия научно-технологического развития, которая была одобрена президентским советом по науке и образованию в прошлом году. Академии наук предлагается по ней жить. А это мертворожденный документ, он исходит из двух совершенно ложных предпосылок. Первая — это то, что фундаментальная наука должна приносить немедленную пользу. Если есть некое достижение в науке, то, пожалуйста, через три года давайте практический результат, например, новое лекарство. Второе — что развитием науки нужно управлять, выделяя приоритеты. Приоритеты могли бы быть разумным делом, но не в наших условиях, когда основным фактором для их определения является административный ресурс и близость к уху текущего президента. В результате есть уже три как минимум действующих списка приоритетов, и все довольно странные.

Единственный государственный приоритет, который я понимаю, — сохранить в науке то, что еще живо, не важно, в какой области. Если это будет сделано, то можно что-то выбирать. Сейчас государство не отдает себе отчет, что живого не так много. Оно хочет наступать, когда половина армии

погибла, а половина валяется в госпиталях.

Подробнее на РБК:

http://www.rbc.ru/opinions/politics/22/03/2017/58d28ceb9a7947fc65a51a22?from=center_3